Митрополит Иларион: Очень важно, чтобы люди умели с христианской точки зрения оценить то или иное произведение искусства

1 декабря 2012 года гостем программы «Церковь и мир», которая выходит на телеканале «Россия 24» и которую ведет председатель ОВЦС митрополит Волоколамский Иларион, стал известный публицист, историк и писатель Александр Архангельский.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! В эфире передача «Церковь и мир». Сегодня гость нашей студии – историк и писатель Александр Архангельский. Здравствуйте, Александр!

А. Архангельский: Здравствуйте, Владыка! Если позволите, я как светский человек перехвачу инициативу и расскажу о том, что меня сегодня волнует. Когда искусство вышло из церковных врат и пошло своим собственным путем, отношения между Церковью и творчеством, между Церковью и художником стали складываться по-разному, порой весьма сложно. Были и конфликты, были и мучительные возвращения, прорывы: и поздний Пушкин, и Достоевский, и Толстой, который оказался на грани разлома, – одновременно и духовный поиск, и разрыв с Церковью. Это история. Как вы думаете, совместима ли сегодня с жизнью в Церкви жизнь светского художника? Ведь эта жизнь предполагает включенность в современные практики, которые порой трудно совместить с церковными... Есть ли у церковного искусства (вот вы, например, пишете церковную музыку) возможность войти в светское пространство, или между этими двумя областями существуют какие-то непреодолимые барьеры?

Митрополит Иларион: Да, какие-то барьеры, действительно существуют, но наша задача как раз и заключается в том, чтобы эти барьеры преодолеть. Давайте не будем касаться давней истории – это слишком широкая тема – и ограничимся недавним прошлым. Мы увидим, что барьер между миром Церкви и миром искусства выстраивался совершенно сознательно: говорили, что Церковь – это место для фанатиков и мракобесов, а искусство должно полностью

эмансипироваться от церковной тематики и развиваться в ином направлении. Сегодня этот психологический барьер в значительной степени преодолен. Но искусство бывает очень разным, со знаком плюс и со знаком минус по отношению к духовности и нравственности. Церковь никогда не призывала к тому, чтобы искусство строго вписывалось в канонические церковные рамки. У нас есть собственно церковное искусство – это иконы, церковная музыка. И там, действительно, необходимо следование канонам. Но свободный светский художник может творить так, как ему подсказывает его вкус, его совесть. Церковь тогда осуждает искусство, когда оно превращается в антиискусство или когда оно несет негативный нравственный заряд. Тогда Церковь, действительно, может дать негативную оценку тому или иному произведению искусства, тому или иному художнику.

А. Архангельский: Есть пограничные состояния. Одно дело, когда художник полностью разорвал со всем религиозным, церковным, считает себя творцом своей судьбы и ему совершенно все равно, что про него говорит Церковь. Другое дело, когда художник хочет работать внутри церковной традиции. Но ведь бывают и промежуточные ситуации, когда, оставаясь современным художником, писателем, киношником, он заглядывает туда, куда заглядывает современное искусство – и в свет, и во тьму. И это может быть опасно. Может ли он при этом оставаться полноценным христианином или же, подобно оглашенному, должен стоять у церковных врат, а Церковь должна отдельно с ним работать? Как ему, оставаясь современным художником, становиться полноценным христианином?

Митрополит Иларион: Я думаю, что можно быть современным художником и при этом – полноценным христианином. Здесь противоречия нет. Мы не ждем, чтобы все художники писали только иконы или картины на религиозную тематику. Например, мой любимый художник, на чьи произведения я могу смотреть часами, это Ван Гог. В молодости он чуть не стал протестантским пастором, но потом постепенно отошел от религии. Вся его жизнь была связана с живописью, но эта живопись раскрывает такой богатый внутренний мир человека, позволяет настолько по-новому взглянуть на окружающую действительность, что она сама по себе поучительна. Эта живопись несет очень мощный заряд нравственного позитива. Церковный человек может высоко оценить многие произведения искусства, которые внешне никак не связаны с церковной тематикой. Мы не должны зацикливаться только на церковной тематике – мы должны быть открыты к тем произведениям искусства, которые помогают человеку становиться лучше, помогают ему другими глазами увидеть мир.

А. Архангельский: Правильно ли я вас понимаю, что творчество в его высших проявлениях – независимо даже от личной позиции художника, если только он устремлен к свету, – становится своего рода формой исповедания веры?

Митрополит Иларион: Оно становится формой проповеди. Если даже человек сознательно не ставит перед собой миссионерскую цель, но его творчество отражает его личный опыт, то такое творчество может быть востребованным и нужным – ведь многие люди переживают такой же опыт, сталкиваются с такими же жизненными ситуациями, пытаются ответить на такие же вопросы. И Церковь всегда будет поддерживать тех людей искусства, которые находятся в поиске. Пусть этот поиск еще не завершен – но сам этот процесс может быть очень важен для многих людей, с которыми художник делится своим опытом.

А. Архангельский: Надо искать какие-то общие критерии, используя те формы, которые применяются на Западе в православных приходах, связанных с русской эмиграцией. Например, при храмах есть клубы, где обсуждают светские книги. Это не обязательно приятие, это не обязательно отторжение – это обсуждение, в результате которого люди начинают лучше понимать, как устроено современное искусство, а современный художник начинает слышать не злобных мракобесов, которые стоят на страже прошлого, а живых людей, у которых есть сострадание, у которых есть взгляд, у которых есть ценностная картина. Было бы полезно этот опыт перенять и в России, устраивать при храмах такие клубы, где можно говорить о современном искусстве.

Митрополит Иларион: У нас при некоторых храмах уже есть такие кружки, дискуссионные клубы. Мне бы очень хотелось, чтобы это околохрамовое пространство постоянно расширялось и включало в себя все новые и новые направления, темы для обсуждения. Сейчас это постепенно происходит, хотя и не очень быстро. Многое зависит как от настоятеля прихода, так и от прихожан, от того, насколько они способны сплотиться, чтобы вместе обсуждать ту или иную тему или вместе изучать тот или иной вопрос.

А. Архангельский: Люди разные. Где-то можно обсудить более простые вещи, где-то – более сложные, где-то и фильм можно обсудить. Я знаю, что существует православная инициатива по поддержке таких клубов.

Митрополит Иларион: Когда я был настоятелем Свято-Николаевского собора в Вене, у нас там был киноклуб. Приходила молодежь, смотрели фильмы, не обязательно религиозные, христианские, но так или иначе затрагивающие нравственную тематику, – а ведь это очень важно для молодежи. Потом они обсуждали между собой содержание фильма. Иногда в этих дискуссия принимал участие священник, иногда – нет. Очень важно, чтобы люди умели с христианской точки зрения оценить то или иное произведение искусства. Оценить не для того, чтобы осудить, а чтобы понять то нравственное содержание, которое в него пытался вложить художник.

А. Архангельский: Многие сейчас, слава Богу, идут по вашему пути. Я знаю, например, что в Москве отец Алексий Уминский кино показывает, и в регионах то же самое происходит.

Хочу задать еще один вопрос, который меня волнует. Последние двадцать лет происходило восстановление разрушенного храмового пространства, сметенного чудовищной эпохой XX века. Но, как правило, там, где строятся новые храмы на территории России, мы видим ориентацию на XIX век, иногда на XVIII. Это хорошие образцы, но я не замечаю никаких попыток вписать в церковную архитектуру стиль XX, XXI столетия. При этом православные приходы в Европе иногда – если у них есть такая возможность – заказывают современным архитекторам более новые, более понятные следующим поколениям архитектурные формы. Как вы к этому относитесь?

Митрополит Иларион: Я внутренне рад тому, что в нашем церковном архитектурном сознании все-таки преобладает консерватизм. Для церковной архитектуры, так же как и для иконописи, основным требованием является следование канону. Это не значит, что из правил не может быть исключений. Я видел на Западе неплохие примеры церковной православной архитектуры в современном стиле, в стиле XX – начала XXI века. Не так давно я сопровождал Святейшего Патриарха Кирилла в его поездке на Кипр: одно из богослужений совершалось в храме, который напоминал большой корабль, он был построен в современном стиле, но эта архитектура воспринималась достаточно убедительно. Но бывают и другие случаи: например, в одном из западных городов я видел католический храм в виде яйца, стоящего на воде. В таком храме внутри очень неуютно: ты чувствуешь себя заложником какой-то искусственной идеи некоего архитектора. Чем отличались древнерусские храмы, и что не всегда сегодня воспринимают архитекторы – даже те из них, кто пытается следовать древним традициям? В этих храмах были точно соблюдены пропорции. Эти пропорции рассчитывались не в абстрактных мерах – метрах, сантиметрах, а в локтях, в саженях, то есть в мерах, которые взяты с человеческого тела. Это сейчас почти забыто. Очень редко кто из церковных архитекторов знает и использует эту систему мер. Очень часто получается, что берут основные элементы канонической православной архитектуры, но пропорции не соблюдают: в итоге храм внешне выглядит как традиционный, а заходишь внутрь – и все в нем нескладно, неуютно, неудобно. Это связано с нечувствительностью не только к внешним, вторичным формам, но и к внутреннему содержанию. И в этом смысле следование канону очень важно. Думаю, что могут быть какие-то исключения. Только очень важно, чтобы эти исключения были эстетически убедительными и функционально оправданными.

А. Архангельский: Архитектуру называют застывшей музыкой – так давайте поговорим о музыке. Вы работаете в каноне. Ваша музыка традиционна не архаически, а канонически. Но при этом вы сделали вместе с моим любимым режиссером Павлом Лунгиным фильм, где ваша музыка не просто озвучивает эпизоды, не просто звучит на фоне, но является ядром сюжета, над которым надстраиваются все сюжетные эпизоды. Павел Лунгин – не канонический художник. Он современный, киношный и мыслящий киношно. У вас было ощущение, что вы нащупываете какую-то форму синтеза, точку встречи, или же это был просто случайно случившийся случай?

Митрополит Иларион: Это был не случайно случившийся случай. Это было не просто совпадение. Хотел бы уточнить, что я пишу не только музыку чисто церковную, не только музыку для богослужения, но и музыку, которая предназначена для исполнения в концертном зале. В этом смысле ее нельзя назвать строго канонической. Внутренне я всегда ориентируюсь на церковный канон и атмосферу в церкви. Например, в сочинении «Страсти по Матфею», которое было использовано Лунгиным для фильма, мне как раз хотелось перенести атмосферу церкви, атмосферу богослужений Страстной седмицы на сцену концертного зала. Можно сказать, это было своего рода экспериментальное сочинение. Если говорить о фильме, то идея Лунгина заключалась в том, чтобы музыка была одним из действующих лиц – то есть эта музыка не просто иллюстрирует перипетии сюжета, она во многом определяет ход сюжетных линий. Даже некоторые эпизоды полностью вписаны в тот или иной музыкальный номер. Мне кажется, что идея Лунгина заключалась в том, чтобы внимание зрителя все время захватывалось то сюжетом, то музыкой, то лицами людей. Он замечательно показывает лица. Лицо главного актера доминирует на экране. Когда это все подкрепляется музыкой, то это производит очень сильное впечатление. Это серьезный, глубоко психологический фильм, говорящий о важных и сущностных вопросах бытия. В то же время эту картину по внешним признакам никак нельзя назвать религиозной и православной. Кроме того, что в конце фильма дирижер оказывается в храме Гроба Господня, религиозной темы как таковой там и нет. Но через музыку, через какие-то сюжетные линии эта тема присутствует. Человек, выходя из кинотеатра, задает себе множество вопросов. Я слышал нескольких людей, которые говорили, что в течение этого фильма они переосмыслили всю свою жизнь, свои отношения с близкими.

А. Архангельский: Вы не собираетесь продолжить сотрудничество с Лунгиным?

Митрополит Иларион: Я буду рад продолжить сотрудничество с Лунгиным. Конечно, мы не должны пытаться повторить этот опыт, который я в целом оцениваю как очень удачный, – может быть, мы вместе поработаем над документальным фильмом. У нас уже есть какие-то общие идеи на эту тему.

А. Архангельский: Будем ждать с нетерпением.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/53354/